

Речеведение: в поисках теории

ТАТЬЯНА В. ШМЕЛЕВА
(Новгород)

Теоретическим осмыслением различий языка и речи мы, как хорошо известно, обязаны Ф. де Соссюру, сформулировавшему дихотомию язык/речь и предполагавшему, что лингвистика наряду с теорией языка должна располагать теорией речи (Соссюр 1977: 56-58). Это предположение, которому трудно отказать в логике, не стало реальностью: продолжая обсуждать поставленный Ф. де Соссюром вопрос (см. например Мурзин 1996), лингвисты предпочитают исследовать язык. Даже таким дисциплинам, как стилистика, коллоквиалистика присущ лингвоцентризм: в нем описываются главным образом языковые факты, имеющие, по мнению исследователей, особую речевую зависимость, в частности, стилеобразующее значение. Но и в ситуации лингвоцентризма в фонде филологических знаний накапливаются сведения о речи, без которых невозможно объяснить те или иные факты и явления языка. Таким образом, сложилось не лишнее парадоксальности положение: лингвистика, располагая серьезными достижениями в развитии теории языка, нуждается в систематизации разрозненных знаний о речи, иначе говоря, в построении теории речи.

Проект построения такой теории предлагается в данной работе, созданной в опоре на данные о речи, полученные при изучении языка, прежде всего его стилистики (Кожина 1993) и прагматики (Арутюнова 1985), в практической работе над речью в современной школе и вузе (Ладыженская 1975; Капинос, Сергеева, Соловейчик 1991; Матвеева, Сибирякова 1994), а также небольшое число теоретических работ, посвященных исследованию речи (Якубинский 1923; Холодович 1967; Почепцов 1975; Крысин 1976).

Если начинать с вопроса о названии особой филологической дисциплины, то предлагается термин речеведение. Он имеет хотя и не столь длительную и не массовую, но все-таки традицию в отечественной филологии: с конца 60-х его используют пермские стилисты (Кожина 1966: 8, 13; *Очерки* 1996: 114, 138, 141), в том числе в названии работ (Кожина 1970; Иванова 1996); в последнее время он все чаще фигурирует в названиях докладов на лингвистических конференциях, в мае 1996 г. в Новгороде был проведен семинар “Речеведение в школьном и вузовском преподавании”, к которому были подготовлены материалы для обслуживания (Шмелева 1996).

Удобство этого термина достаточно очевидно: он прозрачен, прямо указывая на объект и включая распространенный в русской терминологии формант *ведение* (по данным *Обратного словаря*, таких терминов более 50); с его помощью легко устанавливаются отношения между терминами *лингвистика* и *языкознание*, закрепив за первым общее значение, тогда лингвистика будет включать в себя языкознание (был вариант *языковедение*) и речеведение в соответствии с двойственностью ее объекта, представленного языком и речью.

Привлекательность этого термина видится и в том, что он связывает нас с В.В.Виноградовым, употреблявшим слово *речеведение*, для обозначения хотя и не науки, а принципов организации речи (Виноградов 1930: 71, 78); это значимо и в том смысле, что в построении теории речи можно видеть развитие одной из традиций В.В.Виноградова, так много сделавшего для изучения русской речи и осмысления ее проблем.

Для более точного употребления термина необходимо уточнить и то, что имеется в виду под речью. Согласно достаточно распространенным в теории и практике представлениям речь будем понимать как общение с помощью языка, то есть деятельность, в которой воплощаются все возможности употребления языка, — слушание, говорение, чтение, создание письменных текстов. Все факты речи возникают из потребностей общения, апробируются национальной культурой и воплощаются в языке. Таким образом, мы имеем дело с триадой *социальное - речевое - языковое*, где каждое предыдущее звено “заказывает” нечто последующему, ставит перед ним задачи, а то в свою очередь отвечает на эти “заказы”. В конечном итоге “отвечает” за все язык, в котором аккумулируется и материализуется все социальное и речевое. Этим отчасти и объясняется лингвоцентризм филологического мышления. Но это не должно затмевать для нас того,

что речь - это не тень языка, она имеет собственные принципы, осуществляется в собственных параметрах, не сводимых к параметрам и единицам языка. Выявление главнейших параметров речи и определение перспектив их изучения и лежит в основе предлагаемого здесь проекта речеведения.

Главный принцип осуществления русской речи - ее дифференцированность. Поэтому овладеть речью сложнее, чем языком - это знает каждый, кто имеет хотя бы самый скромный опыт изучения чужого языка и общения с его носителями. Поэтому говорить о речи вообще крайне затруднительно и, возможно, даже некорректно: точнее этот термин использовать в сопровождении многочисленных дифференцирующих прилагательных - устная, письменная, городская, педагогическая, научная, политическая, парламентская... Степень и характер дифференцированности речи национально специфичны, это факт культуры и, как другие факты такого рода, исторически изменчивы. Сегодня мы наблюдаем сложнейшие изменения в русской речи, что делает еще более актуальными попытки создать инструментарий для объяснения их существа и осмысления возможностей повлиять на них. С другой стороны, это подтверждает актуальность различения по отношению к речи синхронии и диахронии, а значит, необходимость наряду с теоретическим речеведением говорить о речеведении синхронном и историческом (диахроническом). Опыт последнего можно видеть в коллективной работе пермских стилистов под руководством М.Н.Кожинной *Очерки истории научного стиля русского литературного языка XVIII-XX вв* (Пермь 1994, 1996), а параллельно с ним опыт синхронного разведения - в коллективном исследовании московских лингвистов под руководством О.А.Лаптевой *Современная русская устная научная речь* (Красноярск, 1985; М., 1994; М., 1996). Здесь речь пойдет, как ясно из вступления, об общей теории речи, или теоретическом речеведении.

Основу речеведения составляет выявление главных линий дифференциации речи и тем самым определение его основных разделов. Изучение имеющихся данных под этим углом зрения позволяет утверждать, что главные параметры речи и - соответственно - основные линии ее дифференциации - это роль, фактура, сфера, жанр, правило. В связи с этим речеведение должно включать по крайней мере пять разделов, или, если воспользоваться традициями терминологического словоупотребления, характерного для традиционной русской науки, - учений (см. напр. работы В.В.Виноградова *Учение о системе речи литературных произведений*

(1927), *Русский язык. Грамматическое учение о слове* (1947). Попытаюсь обозначить существо каждого из них, обращая внимание на степень изученности и перспективы развития.

Учение о ролях участников речи. Естественно, что говорить о речи безотносительно к тем, кто собственно ее осуществляет, невозможно, тогда как язык в большей степени позволяет такого рода отвлечения, что и привело к ситуации, когда лишь к концу XX века лингвисты признали такой до смешного очевидный факт: что нельзя изучить язык, не учитывая того, что на нем кто-то говорит, пишет, слушает, читает.

Первая линия дифференциации речи проходит по координате ролей участников речи, или речедателей. Главнейшие из них - роли адресата и автора, и это заставляет говорить о речи авторской и адресатной.

Исследования и культивирование авторской речи представлены в имеющей глубочайшие корни риторической традиции; возвращение риторики в научную и дидактическую практику с особой остротой ставит вопрос о переосмыслении всех ее проблем с учетом современных социокультурных реалий и теоретических достижений лингвистики.

С позиций адресата, стремящегося к максимально полному пониманию текста, связана традиция филологии, начинавшейся как "скромнейшая служба "при тексте", не допускающая отхода от его конкретности" (Аверинцев 1990: 544) и ставшая со временем деятельностью огромных масштабов, предполагающей "искусство понимать сказанное и написанное" (Аверинцев 1990: 545).

Здесь должно быть изучено и детально описано такое свойство текста, как диалогичность во всем многообразии ее языковых проявлений (Ардентов 1955; Гайсина 1967; Кожина 1986; Стельмашук 1993; Ильенко 1994; Шмелева 1995), лежащей на линии отношения автора и адресата, значимость которых для структуры текста и языкового общения давно отмечена лингвистами и литературоведами (Чудаков 1980; Одинцов 1980; Бонецкая 1986; Арутюнова 1981).

В рамках речеведения должны быть выработаны характеристики прежде всего этих ролей, различающие виды речи, которые могут быть обозначены как рецептивная (адресатная), креативная и репродуктивная (авторская) речи; создан список коммуникативных ролей в современной речевой практике и истории русской культуры - переводчик, интерпретатор, комментатор, диктор, декламатор, актер, импровизатор, исполнитель собственных текстов, переписчик, компилятор, плагиатор... В вопросах о соот-

ношении социальных и речевых ролей можно опереться на социолингвистические исследования, например Крысин 1976.

В этом разделе речеведения должна быть разработана теория типов речи, определяемых характером ролей и их сменой. Помимо монолога и диалога, в изучении которых накоплен огромный лингвистический опыт (Винокур 1963; Баранов, Крейдлин 1992; Матвеева 1994; Фишер 1995), необходимо речеведческое осмысление автокоммуникации, воплощающейся в текстах дневников, записных книжек (Холодович 1967; Почепцов 1975) и квазикоммуникации, получающей выражение в разговорах с мнимым собеседником (Почепцов 1975; Ковтунова 1986; Ермакова 1988).

Описывая речевые роли и виды речи, ими определяемые, нельзя обойтись без понятия речевого поведения, к которому лингвисты обращаются уже некоторое время для объяснения некоторых языковых фактов (Шмелёва 1983; Винокур 1994). Предстоит дифференцировать коммуникативное, речевое и языковое поведение, описать различные его типы, например с помощью понятий тактики и стратегии (Сухих 1986; Верещагин и др. 1992). Понятие речевого поведения опробовано главным образом на анализе литературных героев (Крысин 1976), между тем ощущается необходимость разработки сценариев типового речевого поведения, например различных профессий - учителя, менеджера, парламентария, стюардессы...

Таким образом, исходное учение теории речи обращено к фигурам всех его участников, различия в речевом поведении которых существенны для понимания речи. Здесь нужны теоретические разыскания, обобщение имеющихся данных, на основе которых можно было бы разработать принципы обучения и риторического воспитания.

Учение о фактуре речи должно исследовать линию дифференциации речи, противопоставляющую принципиально речь устную и письменную; специфика устной речи, на которую обращал внимание В.В.Виноградов, наиболее тщательно изучается в коллоквиалистике, см. напр. Сиротинина 1996; в более общем плане проблема рассматривается напр. в работе Сиротинина 1989.

Теоретически важно подчеркнуть, что наряду с устной и письменной речью современный человек так или иначе соприкасается с речью печатной, телеграфной, телефонной, радио-, телевизионной и наконец компьютерной. Каждая из них имеет собственные принципы и вызывает поиски специфических языковых средств для оптимального осуществления

речи (см. напр. феномен телеграфного стиля). Симптоматично в этом смысле появление книги, в которой иностранцам преподносятся уроки телефонной речи на русском языке (Акишина 1990).

Учитывая, что для каждого из видов речи, предлагаемых ее фактурой, существенны различия рецептивной и креативной речи, а также ряд противопоставлений, о которых пойдет речь далее, понимаешь, что изучение современной речи в этом аспекте имеет самые заманчивые перспективы. Последовательное развитие этого раздела речеведения могло бы исправить не совсем естественное положение дел в современной лингводидактической практике с ее явными предпочтениями письменной речи, делу "восстановления в правах" речи устной - как бытовой, так и публичной - служит внедрение в сознание общества результатов коллоквиалистики, изучения парламентской речи (см. напр. *Культура* 1994, и особенно Сиротина 1996, адресованная учителю),

Учение о сферах речи должно занять в речеведении центральное место, поскольку "сферичность" русской речи - важнейший фактор дифференциации языка, определяющий его систему функциональных стилей. Здесь речеведение может опереться на опыт отечественной функциональной стилистики (Кожина 1993: 160-218; Кожин, Крылова, Одинцов 1982; Шмелев 1977).

Для речеведения важны проблемы формирования, исторических изменений и взаимовлияния сфер общения. Для их характеристики предложен набор признаков, куда входят предназначение в социальной жизни, состав участников и их роли; репертуар речевых жанров; фактура речи и соотношение ее разных видов; разновидность языка, обслуживающая сферу, или стиль; филологические науки, изучающие тексты и язык данной сферы; способы регламентации, осуществления культуры речи в данной сфере (Шмелева 1993; 18-28).

Что касается изученности сфер общения, то здесь безусловным фаворитом является эстетическая сфера и функционирующие в ней художественные тексты. Развитие учения о сферах речи в рамках речеведения могло бы несколько уравнять в правах на филологическое и дидактическое внимание практические сферы - бытовую, деловую, научную, политическую.

Бытовая, или повседневная речь завоевывает внимание исследователей, с одной стороны, как антипод и одновременно объект изображения, ресурс средств для художественной речи (стилистика художественной речи), с

другой стороны, - как сфера использования особого, как выяснилось, разговорного языка (коллоквиалистика). Собственно речеведческое исследование этой сферы еще только предстоит, вариант программы такого исследования см. Шмелева 1992.

Деловая сфера общения входит в число привычных филологических объектов, в осмыслении его важно отметить наиболее близкое речеведению описание Котов 1989, а также исследования делового стиля русского языка (Романенко 1983, 1992), устное деловое общение описывается в работах скорее регламентирующего, чем исследовательского характера (Шкатова 1983; Мищич 1983).

Научная сфера общения в русской культуре описана в уже упоминавшихся *Очерках...* пермских стилистов, учитывающих множество работ - как лингвистических (Митрофанова, Лариохина, Лаптева), так и иных гуманитарных областей, причастных к феномену научного общения - философии, науковедения. Однако считать тему исчерпанной? думаю, не предложит никто.

Политическая сфера общения на наших глазах переживает самые серьезные изменения, собственно, была отмечена одна система общения и формируется иная, рождается и язык политики, вырабатывая свои новые стандарты, ориентируясь то на иноязычный опыт (парламент, спикер, импичмент), то на язык науки (Е.Гайдар), то - на бытовой (В.Жириновский).

Конфессиональная (религиозная) сфера, необычайно разработанная в русской культуре до XIX века, исключенная из общественно-языковой практики советской властью, сейчас входит в нее: в обращение возвращено большое количество текстов, включая церковную периодику, услышать речи священнослужителей можно не только в церкви, но и с телеэкрана; появляются и лингвистические работы, обращенные к этой сфере общения (Крысин 1996). Важнейшая для этой сферы проблема соотношения церковнославянского и русского языков не снимает вопроса о функционировании последнего в этой сфере. По всей видимости, придется говорить о нескольких версиях русской конфессиональной речи - православной, католической, иных христианских и нехристианских верований, миссионеры которых приезжают, чтобы говорить с нашими соотечественниками, везут множество текстов.

Таким образом, учение о сферах речи в истории, постоянной динамике, попытках оптимизировать, культивируя одни моменты и "подавляя" другие - совершенно необходимая часть речеведения. Она тем более актуаль-

на, что выделившиеся сферы имеют тенденцию к внутренней дифференциации, которая далека от неизменности.

Учение о жанрах речи, намеченное в широко известных работах М.М.Бахтина, усвоившее то, что получено в рамках теории речевых актов (Новое 1986), располагает сегодня возможностью выработать речеведческое представление о жанре, свободное от "давления" художественной речи, под которой находится современное филологическое жанровое сознание (попытка изложения такого понимания см. Шмелева 1995). Вторая задача этого раздела речеведения - создание общей типологии речевых жанров для всех сфер общения; основания такой типологии обсуждаются в Шмелева 1990, Федосюк 1996, Матвеева 1995. Третьей задачей учения о жанрах речи видится описание репертуара речевых жанров каждой сферы общения, на что обращал внимание еще М.М.Бахтин.

Эти серьезные задачи кажутся вполне выполнимыми, поскольку интерес к проблеме речевых жанров растет на наших глазах: из понятия почти экзотического оно превращается в популярное, о чем говорят хотя бы два таких факта: в Саратове подготовлен сборник статей *Жанры речи*, в Ростове-на-Дону на осень 1997 года намечена конференция "Функционирование языка в различных речевых жанрах". Дискуссионность проблемы - свидетельство ее актуальности и социальной востребованности.

Учение о правилах речи менее других "укоренено" в отечественных филологических традициях. Понятие "правило речи" введено в научный оборот сначала в контексте паремиологии (Рождественский 1978), а затем общей филологии (Рождественский 1979: 20-25), оно широко обсуждается в практике (Грайс 1986; Гордон, Лакофф 1986), привлечено к решению отдельных вопросов семантического синтаксиса (Шмелева 1983), высказаны соображения об общей интердисциплинарной значимости этой проблемы общения (Стернин 1996).

Создание общего свода правил речевого поведения предполагает учет факторов коммуникативной роли (ср. правила для говорящего и правила для слушающего у Ю.В.Рождественского), фактуры и сферы речи и даже отдельных жанров. Возможно, наиболее важным при этом окажется фактор сферы.

Лучше других это иллюстрирует правило преувеличения. В эстетической сфере оно действует как предписание - гипербола поощряется, тогда как в научной - как запрет, преувеличение невозможны. Поэтому для научной и других практических сфер язык выработал целый "словарь

оговорок”: они используются в высказываниях с подозрением на преувеличенность, например, оценок: не будет преувеличением сказать; я не преувеличу, если скажу; пожалуй; буквально; едва ли; чуть ли не (круг этих средств описан в Шмелева 1987). Удивительно при этом, что русская разговорная речь обнаруживает непреодолимую склонность к гиперболичности, разработав соответствующую фразеологию (этому свойству разговорной речи посвящена работа Крысин 1988).

Замечательные факты, свидетельствующие о специфике правил создания текста в эстетической сфере, приводятся в статье Федосюк 1996а, где показано, как в текстах Хармса эти правила (постулаты) нарушаются, что, собственно, и делает их абсурдистскими.

Важность выявления и полного описания правил речи подтверждается тем, что в языке выработан особый класс средств, обеспечивающих проявление в высказывании авторской рефлексии по поводу их выполнения/нарушения: это прежде всего разнообразные вводные конструкции и другие служебные элементы; автором опубликованы описания некоторых из них - Шмелева 1983, 1984, 1987, 1988). Использование такого рода языковых средств - важный показатель культуры речи, а создание их словаря - одна из лингвистических задач, решение которой должно приблизить развитие речеведения.

Итак, предложен проект речеведения, основанный на представлении о том, что основные параметры речи - роль, фактура, сфера, жанр, правило; чем и определяются главные линии ее дифференциации и основные разделы речеведения. Порядок их перечисления хотя и соответствует некоторым ощущениям первичности одних моментов речи и вторичности других, не означает тем не менее их автономности. Все они сплетены в неразрывное единство, и рассуждать о чем-то одном невозможно, не привлекая данных остальных сторон речи. Так, толкуя о речевом поведении, нельзя обойтись без понятий фактуры, сферы жанра (Шмелева 1993: 7-8). Толкуя о сферах речи, мы не сможем обойтись без обращения к речевой роли, фактуре, жанров и, конечно же, правил, поскольку у речедеятеля всегда есть выбор: исполнять их или нарушать, объясняя свое речевое поведение или не удостоивая этим своего адресата.

Работа в осуществлении этого проекта должна сделать более реалистическими наши представления о языковой жизни современного общества и ее истории, а значит, и возможностях воздействия на нее. Разумеется, он не мыслится как единственно возможный, но есть основания полагать,

что это один из путей систематизации имеющихся знаний о речи и поиска новых важных сведений об этом феномене, который, как можно предположить, займет не только более солидное, но и приоритетное место в лингвистических исследованиях будущего.

Литература

- Аверинцев С.С., 1990, *Филология - Лингвистический энциклопедический словарь*, Москва.
- Акишина А.А., Акишина Т.Е., 1990, *Этикет русского телефонного разговора*, Москва.
- Ардентов Б., 1955, *Контактирующие слова*, "Уч.зап. Кишиневского университета", т. 15. Кишинев.
- Арутюнова Н.Д., 1981, *Фактор адресата*, "Изв. АН СССР СЛЯ", N 4.
- Арутюнова Н.Д., Падучева Е.В., 1985. *Истоки, проблемы и категории прагматики. - Новое в зарубежной лингвистики*, вып. XVI. Москва.
- Баранов А.Н., Крейдлин Г.Е., 1992, *Структура диалогического текста: лексические показатели минимальных диалогов*, "Вопросы языкознания", N 2.
- Бонецкая Н.К., 1986, "Образ автора" как эстетическая категория. - *Контекст 1985. Литературно-теоретические исследования*, Москва.
- Верещагин Е.М., Райтмар Р., Ройтер Т., 1992, *Речевые тактики "призыва к откровенности"*, "Вопросы языкознания", N 6.
- Винокур Т.Г., 1963, *О некоторых синтаксических особенностях диалогической речи в современном русском языке*: канд. дис. Москва.
- Винокур Т.Г., 1994, *Говорящий и слушающий. Варианты речевого поведения*, Москва.
- Виноградов В.В., 1930, *О художественной прозе. - Виноградов В.В. Избранные труды художественной прозы*, Москва, 1980.
- Гайсина Р.М., 1967, *Средства речевого контакта в современном русском языке*: Автореф. дис... канд.филол.наук, Саратов.
- Гордон Д., Лакофф Дж., 1986, *Постулаты речевого общения. - Новое в зарубежной лингвистике*, вып. XVI. Москва.
- Грайс Г.П., *Логика и речевое общение. - Новое в зарубежной лингвистике*, вып. XVI, Москва.
- Ермакова О.П., 1988, *Разговоры с животными. - Разновидности городской устной речи*, Москва.
- Иванова Т.Б., 1996, *Речеведение в средней школе. - Теоретические и прикладные аспекты речевого общения*, вып. 1. Красноярск.

- Ильенко С.Г., 1994, *Стилистические и синтаксические аспекты диалогичности. - Исследования по художественному тексту*, ч. 1, Саратов.
- Капинос В.И., Сергеева Н.Н., Соловейчик М.С., 1991, *Развитие речи: теория и практика обучения*, Москва.
- Ковтунова И.И., 1986, *Поэтический синтаксис*, Москва.
- Кожин А.Н., Крылова О.А., Одинцов В.В., 1982, *Функциональные типы русской речи*, Москва.
- Кожина М.Н., 1966, *О специфике художественной и научной речи в аспекте функциональной стилистики*, Пермь.
- Кожина М.Н., 1970, *О речеведческом аспекте лингвистических исследований и речевой системности функционального стиля. - Исследования по стилистике*. Вып. 2. Пермь.
- Кожина М.Н., 1986, *Диалогичность письменной научной речи*, Пермь.
- Кожина М.Н., 1993, *Стилистика русского языка*, 3-е изд., Москва.
- Котов Р.Г., 1989, *Деловое общение. - Лингвистическая прагматика и общение с ЭВМ*, Москва.
- Крысин Л.П., 1976, *Речевое общение и социальные роли говорящих. - Социально-лингвистические исследования*, Москва.
- Крысин Л.П., 1988, *Гипербола в русской разговорной речи. - Проблемы структурной лингвистики*, 1984, Москва.
- Крысин Л.П., 1996, *Религиозно-проповеднический стиль и его место в функционально-стилистической парадигме современного русского литературного языка. - Поэтика. Стилистика. Язык и культура. Памяти Т.Г. Винокур*, Москва.
- Культура парламентской речи*, 1994, Москва.
- Ладыженская Т.А., 1975, *Система работы по развитию связной устной речи учащихся*, Москва.
- Матвеева Т.В., 1994, *Непринужденный диалог как текст. - Человек-Текст-Культура*, Екатеринбург.
- Матвеева Т.В., 1995, *К лингвистической теории речевого жанра*, *Collegium*, N 1-2.
- Матвеева Т.В., Сибирякова И.Г., 1964, *Для тех, кто желает совершенствоваться... Рабочая тетрадь по культуре речи*, Пермь.
- Милич П., 1983, *Как проводить деловые беседы*, Москва.
- Мурзин Л.Н., 1996, *Еще раз о языке и речи. - Филология на рубеже XX - XXI веков: Тез. междунар. научной конференции, посвященной 80-летию Пермского университета*, Пермь.
- Новое в зарубежной лингвистике*, 1986, вып. 17. Москва.
- Одинцов В.В., 1980, *Стилистика текста*, Москва.

- Очерки истории научного стиля русского литературного языка XVII - XX вв, 1994, т. 1., ч. 1: Развитие научного стиля в аспекте языковых единиц различного уровня, Пермь, т. 1., ч. 2: Синтаксис, Пермь, т. 2: Стилистика научного текста (общие параметры), 1996, Пермь.
- Почепцов Г.Г., 1975, *О некоторых вопросах лингвистики общения.* - Структурная и математическая лингвистика, вып. 3, Киев.
- Рождественский Ю.В., 1978, *О правилах ведения речи по данным пословиц и поговорок.* - Паремнологический сборник, Москва.
- Рождественский Ю.В. 1979, *Введение в общую филологию*, Москва.
- Романенко А.П., 1983, *История русского делового стиля*, Элиста.
- Романенко А.П., 1992, *Русский деловой стиль XIX века*, Саратов.
- Сиротинина О.Б., 1989, *Устная и письменная форма речи как объекты лингвистического исследования.* - Вопросы стилистики. Устная и письменная форма речи, вып. 23. Саратов.
- Сиротинина О.Б., 1996, *Что и зачем нужно знать учителю о русской разговорной речи*, Москва.
- Соссюр Ф. де, 1977, *Труда по языкознанию*, Москва.
- Стельмашук А., 1993, *Диалогизация и способы ее реализации в различных речевых сферах современного языка:* Автореф. дис... докт. филол. наук, СПб.
- Стернин И.А., 1996, *Общение и культура, - Русская разговорная речь как явление городской культуры*, Екатеринбург.
- Сухих С.А., 1986, *Речевые интеракции и стратегии.* - Языковое общение и его единицы, Калинин.
- Федосюк М.Ю., 1996, *Комплексные жанры разговорной речи: "утешение", "убеждение" и "уговоры".* - Русская разговорная речь как явление городской культуры, Екатеринбург.
- Федосюк М.Ю., 1996а, *Постулаты построения художественного прозаического текста. На материале рассказов Даниила Хармса*, "Opuscula Polonica et Russia. IV", Czestochowa.
- Фишер И.С., 1995, *Устная монологическая речь (на материале публицистических телепередач):* Автореф. дис... канд. филол. наук, Саратов.
- Холодович А.А., 1967, *О типологии речи.* - Холодович А.А. Проблемы грамматической теории. 1979, Ленинград.
- Чудаков А.П., 1980, *В.В.Виноградов и теория художественной речи первой трети XX века.* - Виноградов В.В. Избранные труды, О языке художественной прозы, Москва.
- Шкатова Л.А., 1983, *У вас деловая встреча*, "Русская речь", N 4.
- Шмелев Д.Н., 1977, *Русский язык в его функциональных разновидностях (К постановке проблемы).* Москва.

- Шмелева Т.В., 1983, *Кодекс речевого поведения. - Русский язык за рубежом*, N 1.
- Шмелева Т.В. 1984, *Деепричастие на службе у модуса. - Системный анализ значимых единиц языка русского языка. Синтаксические структуры*, Красноярск.
- Шмелева Т.В., 1987, *Средства выражения метасмысла "преувеличение". - Системный анализ значимых единиц русского языка. Парадигматика в лексике и словообразовании*, Красноярск.
- Шмелева Т.В., 1988, *"Так сказать" и "как говорится". - Служебные слова*, Новосибирск.
- Шмелева Т.В., 1990, *Речевой жанр (Возможности описания и использования в преподавании языка)*, "Russistik. Русистика", N 2. Berlin.
- Шмелева Т.В., 1992, *Повседневная речь как лингвистический объект. - Русистика сегодня. Функционирование языка: лексика и грамматика*, Москва.
- Шмелева Т.В., 1993, *Введение в общую филологию: Рабочая программа*, Красноярск.
- Шмелева Т.В., 1995, *Речевой жанр: опыт общепилологического осмысления*, "Collegium", N 1-2.
- Шмелева Т.В., 1995а, *Диалогичность модуса*, "Вестник МГУ. Сер.9. Филология", N 5.
- Шмелева Т.В., 1996. *Речеведение. Теоретические и прикладные аспекты*, Новгород.
- Якубинский Л., 1923, *О диалогической речи*, "Якубинский Л. Язык и его функционирование", Москва, 1986.

Speechology: in Search of Theory

The article represents an attempt to make up a theory of speech based on the notion that its main parameters are role, texture, sphere, janre and rule. The study of each of the above mentonend features can coustitute a separate section of speechology, characterized in terms of the degree of knowledge of the subject and the prospect of study speechology is belived to be a theoretical basis for speech culture and an important discipline of modern philology.